

УДК [811.162.3+811.162.1]²282.4(045)
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Скорвид С. С.

Русские лексические и сочетаемостные кальки в чешских и польских островных говорах в России

Скорвид Сергей Сергеевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект 32-А
Заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований

Институт филологии и истории РГГУ

125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, д. 6

E-mail: slavcenteur@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2173-4367

Цитирование: *Скорвид С. С.* Русские лексические и сочетаемостные кальки в чешских и польских островных говорах в России // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 291–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Статья поступила в редакцию 15.10.2020.

Аннотация

В статье на материале островных чешских и польских говоров на территории России обсуждаются проблемы, связанные с вычленением в них русских лексических калек, в том числе с разграничением таких калек и адаптированных заимствований. Существует обширная переходная область на стыке лексического калькирования и адаптации заимствований; в ее рамках следует различать гибридные образования, в которых заимствуется русская аффиксальная морфема (префикс), формально совпадающая с имеющейся в данном идиоме; образования, в которых русская аффиксальная и/или корневая морфема преобразуется исходя из регулярных соответствий между идиомами; случаи образования носителями идиома-реципиента новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносимых морфем при различии их звукового облика. Проблемы разграничения лексических калек и адаптированных заимствований порождает близкое родство русского языка и рассматриваемых идиомов как славянских. Автор намечает пути их решения, принимая во внимание размытость границ между анализируемыми

феноменами при частой закреплённости русских лексических и семантических калек в изучаемых говорах за определёнными устойчивыми коллокациями. В целях адекватного описания таких явлений предлагается ввести более общее понятие «сочетаемостьные кальки».

Ключевые слова

Чешские и польские говоры в России, языковой контакт, адаптированные заимствования, семантические и лексические кальки, коллокации.

Теория языковых калек до сих пор разрабатывалась прежде всего применительно к лексике современных литературных языков Нового времени. В отношении по крайней мере одной группы явлений в рамках данной категории, так называемых лексических — или, иначе, словообразовательных — калек, это объясняется традиционной трактовкой таких единиц (которые стали предметом внимания ученых ранее калек семантических) как результата особого рода заимствования, когда принимающий язык «переводит слово и употребляет словосоставления по чужезычному образцу» (Грот 1899: 2)¹; при этом с самого начала подразумевалось, что «переводят», более или менее сознательно, носители не народных языковых страт, а — по выражению Я. К. Грота — «образованного языка». Между тем, как оказывается, возможны и процессы стихийного, спонтанного лексического и тем более семантического калькирования за пределами «интеллектуальных» языковых форм, хотя здесь они имеют несколько иной характер.

Соответственно, в диалектологических исследованиях, посвященных говорам, находившимся или находящимся в ситуации языкового контакта, термин «калька» тоже используется, хотя зачастую нечетко, для характеристики достаточно разнородных лексических явлений. Если речь идет о контакте какого-либо говора с близкород-

¹ Это, по всей вероятности, первое определение лексических калек — еще не под этим наименованием — из сочинения Я. К. Грота 1869 г. процитировано со ссылкой на работу (Крысин 1968) в фундаментальном исследовании по теории калькирования (Obara 1989: 11), однако, к сожалению, неточно и без авторских примеров, которые сами по себе красноречивы: *благословлять, провидение, победоносный, землеписание, любомудрие, влияние, трогательный, последовательность, целесообразный*.

ственным языком (в диалектной, региональной разновидности или в литературной форме), такая нечеткость имеет под собой объективные основания. В этом случае тесное родство между идиомом-реципиентом и языком-донором предоставляет двуязычным носителям первого возможность воспользоваться механизмом поморфемного «пересчета», поэтому кальки, особенно лексические, бывает крайне трудно определить так, чтобы с уверенностью отделить их от адаптированных заимствований. Кроме того, в ряде работ при описании подобных явлений употребляются также термины «гибрид» или «гибридное образование» (см. Ананьева 2013: 474; Поляков 2014: 135–138; Дорошко 2016: 66). В данной статье будет предпринята попытка строже разграничить все эти понятия на материале западнославянских говоров в России: двух польских в Восточной и Западной Сибири (ВСП, ЗСП) и группы чешских в Западной Сибири и на Северном Кавказе (ЗСЧ, СКЧ)².

Русские семантические кальки в чешских островных говорах на территории РФ, т. е. новые значения исконных лексем, развившиеся под влиянием семантики их русских когнатов, уже обсуждались в работе (Скорвид 2020). К рассматривавшимся в ней чешским примерам, таким как *vinohrad* в русском значении ‘виноград’ наряду с исконно чешским ‘виноградник’, *dřevo* в русском значении ‘растение с твердым стволом и ветвями’ наряду с общим для русского и чешского языков ‘древесина’, *les* в русском значении ‘древесина (строительный материал)’ наряду с совпадающим в обоих языках ‘множество деревьев’ и др., можно добавить аналогичные примеры из ЗСП и ВСП с лексемами *las* в тех же двух значениях (при исконном для польских идиомов ‘множество деревьев’) или *xleb* (*xlěp* / *xlyp*) ‘хлеб’ в обоих

2 В Восточной Сибири представлен генетически малопольско-силезский говор д. Вершина Боханского р-на Иркутской обл.; в Западной Сибири — мазурский (польский) говор д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и с. Знаменка Богградского р-на Республики Хакасия и генетически восточночешский говор дд. Воскресенка, Новоградка и Репинка Калачинского р-на Омской обл.; на Северном Кавказе это, с одной стороны, также восточночешские по происхождению говоры д. Анастасиевка Туапсинского р-на Краснодарского края и х. Мамацев Шовгеновского р-на Республики Адыгея, а с другой — южночешские говоры пос. Кирилловка в составе муниципального образования (МО) Новороссийск и д. Варваровка в составе МО Анапа Краснодарского края. Подробнее о генезисе, истории и современном состоянии этих идиомов см.: (Ананьева, Скорвид 2018).

русских значениях ‘пищевой продукт из муки’ и ‘зерновые’ (при исконном первом)³:

- (1) в ЗСП *fšen 'že kšatusk' i / fšen 'že las* (всюду цветочки, всюду лес) при
- (2) *lasu duzo / strojić še možna* (леса много, строиться можно), *přižus lasu i m' i zrobzil'i štyr' i jizb' i* (привез лесу, и мы построили четыре избы);
- (3) в ЗСП *xlěp i suxari susili* (хлеб и сухари сушили) при
- (4) *s'ud'a pšežućili pomagac' / xlip rošćić* (сюда перебросили помогать, хлеб растить); *robžuć na kambajn' e / xlěp ubžerać* (работал на комбайне, хлеб убирал);
- (5) в ВСП *žev' in' ċ kavoukuf xleba* (девять кусков хлеба) при
- (6) *xlyb uotxožić / plevy uodlatuwać* (зёрна (хлеба) отделялись, полова отлетала), *xlěp šoli / ub'eral'i* (хлеб сеяли, убирали).

В приведенных фрагментах высказываний носителей островных польских говоров бесспорные семантические кальки-существительные сочетаются с глаголами, имеющими польский диалектный звуковой вид при типично русских значениях: *strojić še* (о постройке (себе) дома), *rošćić, ubžerać / ub'eral'i* (о хлебе). При этом, хотя все они находят себе точные, с поправками на особенности диалектной фонетики, общепольские — т. е. выступающие в польском языке метрополии — омонимы, здесь, конечно же, не приходится усматривать семантическое калькирование. Соответствующие исконно польские глаголы не обладают общей семантической базой (*tertium comparationis*) с русскими для развития у них в контактном идиоме вторичного значения, совпадающего с русским: польск. *stroić (się)* имеет основное значение ‘наряжать(ся)’, *ubierać (się)* — ‘одевать(ся)’, *rošćić* в современном языке — уже только переносное значение в устойчивых выражениях

3 Западносибирские польские примеры взяты из приложений к неопубликованным работам (Stupiński 2009, Егоров 2016), а восточносибирские — из приложения к монографии (Mitrenga-Ulitina 2015) и хранящихся в архиве кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ записей И. М. Егорова и других участников экспедиции в Вершину (2010). Примеры из диссертации Ступинского сверены с аудиозаписями, предоставленными автором в наше распоряжение и помещенными в тот же архив. Чешские примеры — либо из наших собственных записей, хранящихся в том же архиве, либо почерпнуты из неопубликованных работ (Nakénová 2015, Andrejs 2016). Косой чертой обозначается короткая, двумя косыми чертами — более длинная интонационная пауза в высказывании.

rościć nadzieję ‘питать надежду’, *rościć sobie prawo* ‘предъявлять свои права’ и т. п. Последний глагол в XVI в. сохранял близкое к русскому значение ‘растить’⁴, но крестьянам-переселенцам второй половины XIX — начала XX в. он едва ли был известен, как и предыдущие два глагола: по крайней мере в значении ‘одеть / надеть’ в ЗСП и ВСП употребляется глагол *oblec* / *uoblyc*. Непрефиксальные глаголы *strojić šě* (как и невозвратный *strojić* ‘строить’) и *rošćić*, таким образом, следует безоговорочно признать адаптированными заимствованиями⁵. Трактовка префиксального *ubžerać* / *ub’erać*, однако, допускает варианты. Рассмотрим этот случай подробнее с учетом аналогий, какие он находит в чешских говорах Сибири и Северного Кавказа.

В ЗСЧ отмечены глаголы несовершенного вида (НСВ) *ubirat* и совершенного вида (СВ) *ubrat* в нескольких частных значениях, совпадающих со значениями рус. *убирать* / *убрать* и отсутствующих у созвучных им собственно чешских глаголов *ubírat* / *ubrat* ‘убавлять, отбавлять / убавить, отбавить’:

- (7) *načináme se hotovit k uborce* <...> *jesli nebude dežd’i / nebudoŭ míxat jesi / budem načnem ubírat ječmen* (начинаем готовиться к уборке: если не будет дождей, если они не будут мешать, начнем убирать ячмень);
 (8) *učíteli ubírali n’ áki* (каких-то учителей убирали, т. е. увольняли — о сокращении штатов в школе);
 (9) *našlapoŭ tadi / ubírat nada* (натопчут тут, убирать надо);
 (10) *máslo se ubere* (масло убирают, букв. уберут, т. е. вынимают / вынут — об отделении от сбитого масла пахты).

Глаголы с корнем *-klid-* / *-klíz-*, употребляющиеся в этих значениях в чешском языке метрополии, или созвучные им в ЗСЧ не засвидетельствованы. Напротив, в СКЧ лишь изредка встречается глагол *ubrat* в значении ‘удалить’, один раз — как синоним глагола *uklidit*:

- (11) *že tam je / stojí gauč / abix uklid’ila s kuxin’i* <...> *abix ubrala ten kauč* (мол, там стоит диван, так чтобы я убрала из кухни, убрала этот диван

4 Słownik polszczyzny XVI wieku (edycja internetowa). URL: <https://spxvi.edu.pl/index/haslo/6989> (дата обращения: 10.04.2021).

5 У второго из них в ЗСП совмещаются значения русских глаголов *растить* (хлеб, скот, детей) и *расту* (о детях), ср.: *ošem žečuv biŭo f s'em’je* <...> *tata pom’erŭa i mi rošćili* (8 детей было в семье, мама умерла, и мы росли) и с префиксом: *žeći podrošćili* (дети подросли).

[переместила]);

(12) *i nám tab'ak ubr'alý* (и у нас табак убрали [отобрали, отняли]).

В значениях же 'унести, поместив в другое место' и 'навести / наводить порядок' в СКЧ регулярно употребляются собственно чешские глаголы *uklidit / uklízet*:

(13) *rozedn'ilo s'e a mlíko doma nemají <...> hdo ho neskoval / neuklid'il // fs'o* (рассвело, а молока у дома нет: кто его не спрятал, не убрал — всё);

(14) *uklid'íme tadi ve dvoře* (уберем тут во дворе);

(15) *d'ála ve škole / uklízela* (работала в школе, убирала(сь)).

Заслуживает внимания, что те же глаголы с префиксом *u-* выступают в СКЧ и в других значениях и контекстах, характерных для русских *убирать / убирать*, в том числе в контекстах, связанных с уборкой урожая:

(16) *vinohrát už mu uzrál <...> nado ho bilo už uklízet* (виноград у него уже созрел, уже надо было его убирать).

Ср. также возвратный глагол:

(17) *dali dvacet štíri hod'ini N'emcům abi se ukliďili s Āex* (дали 24 часа немцам, чтобы они убрались из Чехии).

В чешском языке метрополии в таких случаях используются глаголы от того же корня с другими префиксами: в частности, в контексте уборки урожая — *sklidit / sklízet*, в значении 'уйти' — *vyklidit se*. В СКЧ они не зафиксированы.

Расширение значения глаголов *uklidit / uklízet* под влиянием семантики русских когнатов *убрать / убирать* в СКЧ (при вытеснении других однокоренных префиксальных образований), несомненно, представляет собой результат семантического калькирования, а глагол *ubrat* в примерах (11) и (12) — даже почти не адаптированное окказиональное заимствование. Но будут ли точно такими же адаптированными заимствованиями глаголы *ubrat / ubirat* в ЗСЧ, а также *ub'erać / ubžerać* в ВСП и ЗСП?

С одной стороны, в ЗСЧ глагол *ubirat* (об урожае и помещениях) органично связан с фонетически и морфологически адаптированным заимствованным существительным *uborka*, ср. в примере (7) и, в ином значении, в контексте *diž d'elaj uborku* (когда делают уборку).

С другой же стороны, для носителей диалекта оба эти глагола, по-видимому, разложимы на составляющие: одинаковые или близкие в чешском и русском языках по звуковой форме, но не по значению префикс *u-* и корень *-br-/-bir-*, в примерах (7)–(10) с аналогичным в обоих языках закорневым оформлением. Последнее относится также к сходным глаголам в польских говорах Сибири.

Префикс *u-* с русским значением в рассматриваемых идиомах довольно частотен. Он образует, например, такие префиксальные глаголы движения, соответственно в ЗСЧ (и части СКЧ), ЗСП и ВСП, как *ujd'it / ujšć / uun's* 'уйти', *ujet / ujexać* 'уехать' и парные им глаголы НСВ *uxázet / (u)uxožíć* 'уходить', *ujížd'et / ujězzać / ujujíž'ac* 'уезжать'⁶. Вместе с тем не в чисто аблативном значении, как в русском языке, а в более специальных чешском и польском значениях, подразумевающих либо «ускользание», либо «покрытие некоторого расстояния», префикс *u-* у данных глаголов в названных говорах неизвестен⁷. Следует ли усматривать здесь явление «калькирования русских приставочных глаголов», как было предложено для некоторых «гибридных» глагольных образований в базирующейся на материале СКЧ работе (Поляков 2014: 136)? Соглашаясь с ее автором в том, что а) во всех таких случаях речь идет о процессах гибридизации и б) нередко при этом наблюдается «заимствование не столько словообразовательного форманта, сколько целой модели» (в основном в области способов глагольного действия и видообразования), которое, в принципе, сопоставимо с лексическим калькированием, мы тем не менее считаем, что иногда имеет место «просто подстановка русской приставки», как это называет Д. К. Поляков применительно к целому ряду префиксальных глаголов в СКЧ.

Гибридные образования, в которых действительно происходит только подстановка русского префикса, если он формально полностью

6 Ср. также глагол, соответствующий русскому *увезти*: *vzali ho / uvezli* (взяли его, увезли) (ЗСЧ), *do bol'n'icy potym juž uuv'ežli* (в больницу потом уже увезли) (ВСП), *zara pogružim i nazat užežim* (сейчас погрузим и назад увезем) (ЗСП).

7 При этом во всех обсуждаемых идиомах сохранились семантически, а в диахронном плане и структурно аналогичные глаголы со значениями '(у)бежать', 'убегать', такие как *u'ikat* в ЗСЧ, *(u)ućekać* в ЗСП и ВСП. Разумеется, существуют здесь также исконные глаголы с синхронно вычленившимся (перфективирующим) префиксом *u-*, например в образованиях от корня *-pad-* (со значением 'упасть').

совпадает с исконным, как кажется, нельзя отнести даже к адаптированным заимствованиям, разве что дополнив перечень возможных типов адаптации, выделенных в работе (Ананьева 2013: 474–475), чисто семантической адаптацией. Речь здесь идет всего лишь о заимствовании префиксальной морфемы, которая отождествляется с собственной, но не о поморфемном «пересчете» — и тем более не о «переводе» с русского языка на принимающий говор или копировании в нем внутренней формы иноязычного (русского) слова, что по традиции, идущей от XIX в. и поддерживаемой современными авторами, признается необходимым отличительным признаком лексических калек. Схематически механизм возникновения таких образований можно представить на примере одной цепочки глаголов, выступающих соответственно в ЗСЧ / ЗСП / ВСП, в следующей таблице:

исходный непрефиксальный НСВ	префикс	префиксальный перфектив: свой / <i>гибрид</i>	рус.	префиксальный имперфектив: свой / <i>гибрид</i>	рус.
ďit / íśc 'идти'	při- / pšý- / pšy- (< od- или vy-)	při-jďit / pšý-jśc / pšy-n'ś u-jďit / u-jśc / <i>un'ś</i> ↑ u-padnout / ↑ (u)u-paśc (свой префиксальный образец)	прийти	při-cházet / pšý ¹ (pšy)-hožíc	приходить
		← уйти	← уходить	u-xázet / (u)u-xo-žíc	
				↑ u'ikat / ↑ ućekać (свой префиксальный образец)	

В эту группу образований попадают все перечисленные выше глаголы движения с префиксом *u-* в ВСП (где, впрочем, префикс, приобретая протезу *u-*, всё же фонетически адаптируется), ЗСП, ЗСЧ и генетически связанной с ЗСЧ части СКЧ. Заметим, что в ином по происхождению идиоме в рамках СКЧ, говоре пос. Кирилловка под Новороссийском, сохранились глаголы движения с чешским префиксом *od-* в том или ином фонетическом варианте, тогда как образования с

префиксом *u-* не получили распространения. При этом также в ЗСЧ и ЗСП спорадически фиксируются глаголы движения с исконным префиксом, восходящим к **od-* или, в польском идиоме, к **vu-* и несущим чисто аблативное значение, в отличие от рус. *om-* и *vy-*: в ЗСЧ *te' fšec-ko otxázi* (теперь всё уходит [о давних обычаях]) наряду с *uxázi* с тем же значением; в ЗСП *žeči vzr'oštyji / dvoje odesuo jus / še pozen 'il'i* (дети взрослые, двое уже ушли, женились); *bųoto tak'e / tera xoz' drog'i zrobź il'i / a pr'enzej to n'e biųo źe tam n'ic / tam n'e vyjadęs n'e pųjadęs* (грязь такая — сейчас хоть дороги сделали, а раньше же там не было ничего, не уедешь — не подъедешь). В последнем примере, правда, в подчеркнутой словоформе можно усмотреть также адаптированную форму русского глагола с приставкой *vy-* (т. е. «оттуда не выедешь»).

Если бы удалось установить, что у глаголов движения в рассматриваемых говорах копируется не сам по себе аблативный русский префикс *u-*, формально совпадающий с исконным (при игнорировании элементов его семантики, важных для языка метрополии), а вся частная система близких по смыслу русских префиксов (*u-ŭti*, *vy-ŭti*, *oto-ŭti* и т. д.) с их специфическими значениями, которая закрепляется вместо первоначальной системы омонимичных, но семантически иначе распределенных собственных префиксов (*u-jít / u-jśc*, *vy-jít / wy-jśc*, *ode-jít / ode-jśc*), в этом случае, видимо, можно было бы говорить о «переводе» и, соответственно, о лексическом калькировании или некоей его фазе. Материал описываемых островных идиомов, однако же, столь далеко идущий вывод не подтверждает.

Вернемся теперь к глаголам *ub'erać (xlęp)* в ВСП, *ubźęrac (xlęp)* в ЗСП и *ubirat (ječmen)* в ЗСЧ. С одной стороны, здесь также можно усмотреть простую подстановку русского префикса вместо исконного *z-* (*s-*), поскольку и в польском, и в чешском языке метрополии в контекстах, относящихся к сбору плодов, трав и цветов, употребительны глаголы *zbierać / sbírat*⁸. С другой стороны, не исключено, что в этих случаях речь идет о копировании внутренней формы русского гла-

8 При этом польский глагол может относиться также и к уборке зерновых, а чешский в аналогичных контекстах подразумевает скорее подбирание колосков. Примечательно, что в анализируемых чешских говорах этот глагол лишь изредка выступает с префиксом *s-*, озвонченным перед корнем с начальным звонким согласным, например: *já sem dicki ti kitki zbirála* (я всегда эти цветы собирала). Более обычен здесь глагол *sebirat* с вокализированным под русским влиянием префиксом: *brambori sebirat* (собрать картофель) и т. д.

гола-образца, восприятию его семантической соотнесенности с прототипическим представлением о том, что соответствующие объекты «берут» и «у-даляют»⁹. Если допустить, что для носителей ВСП, ЗСП и ЗСЧ внутренняя форма глагола остается прозрачной, то использование ими своих соответствий морфем, образующих русский когнат, можно признать поморфемным «переводом», а возникшие в результате польские и чешские глаголы — словообразовательными кальками. В то же время обращает внимание закрепленность их употребления в исследуемых говорах за определенными коллокациями с русизмами в субстантивной части. Формулируя итоговые выводы, мы, безусловно, должны будем это учесть.

Вначале, однако, попытаемся применить предложенный «тест на (лексическое) калькирование», опирающийся на внутреннюю форму, к глаголам, в которых русская префиксальная или корневая морфема (с закорневым оформлением) преобразуется исходя из регулярных соответствий: например, префиксы *nepre-/npe-* и (в ЗСП и ВСП) *pro- /pře-/pše-/pše-*, *raz-/pac-* в *roz-/ros-*, *co-* в *se-/ze-* и т. д. Некоторые такие образования в СКЧ анализируются в работе (Поляков 2014: 136–137); в их числе глагол *přebijet* ‘прерывать собеседника’ — по утверждению автора, возникший «как калька русского *перебивать*, но с использованием собственно чешских формантов (приставки *pře-* и корне-суффиксальной части *-bije/t/*)». Примечательно, что этот глагол находит себе точную параллель в ЗСП, ср.:

(18) *Božena mluvila / tak sem nextela přebijet* (Божена говорила, и я не хотела перебивать) (СКЧ); *tama // a pše co jim roskasta / ja vam pše... vas pše... // no pšebžijaj* (мама, вы вот про что им расскажите... я вам... вас пере... — ну перебивай!) (ЗСП).

Употребляемые в указанном значении в чешском и польском языке метрополии глагол с тем же префиксом *přerušovat*, сочетающийся с винительным падежом, как и русский *перебивать*, и глагол *przerywać*, требующий дательного падежа, носителями данных идиомов забыты или помнятся слабо, судя по тому, что информантка из Знаменки колебалась, выбирая между дательным и винительным падежами личного местоимения *уу*. Префикс новых глаголов, возникших в говоре

9 Исторически, возможно, в этих префиксальных образованиях отражается еще исконное значение корня **bьr-* / *ber-* и т. д. ‘нести’ (т. е. *у-брать* = *у-нести*).

для передачи этого значения, мог сохраниться от исконных лексем или был «пересчитан» из русского *пере-*. Что же касается корневой и закорневой части, возможно, что и здесь внутренняя форма русского глагола-образца *перебивать* осталась прозрачной для носителей СКЧ и ЗСП («прерывать как бы ударом»); тогда использование собственных диалектных соответствий корня глагола *бить*, выступающих в образованиях НСВ, семантически оправданно и перед нами — лексические кальки, а не адаптированные заимствования.

Лишь спорадически в исследуемых диалектах встречаются также случаи создания новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносительных морфем при различии их звукового облика. В чешских идиомах таковы несомненные лексические кальки русских глаголов *namontat* — *našlapat* в ЗСЧ из примера (9) выше и *подорвать* в значении ‘уничтожить взрывом’, а также, с возвратным местоимением, *подорвать себя* в речи представительниц одной семьи из Анапы (с выразительной фонетической чертой их юго-западночешского по происхождению говора):

(19) *diš uš k n'emu potxázeli / tak von se pojtrhnul i N'emci pojtrhnul* (когда к нему уже подходили, он подорвал себя и немцев подорвал); *von se nedal vzít i pojtrhnul se hranátov* (он не дал себя захватить и подорвал себя гранатой).

Эти кальки образованы путем присоединения префикса *pod-*, общего для русского и чешского языков, к корню чешских глаголов *trhat / trhnout*, которым соответствуют рус. *рвать / рвануть* (ср. с другими префиксами в СКЧ: *natrhaji kitki* (нарвут цветов), *já si pudu utrhnul vinohrat* (я пойду сорву винограда)), с суффиксацией, как в глаголе *trhnout*; при этом происходит оглушение конечного согласного префикса и перед корнем на тот же согласный типичная юго-западночешская диалектная диссимилиация *tt > jt*. Аналогичная калька с той же корневой морфемой в речи носителя СКЧ из Кирилловки — *strhneš se* (сорвешься [с обрыва]). Современные чешские глаголы *odpálit (se)* ‘подорвать(ся)’ и *zřítit se* ‘сорваться, рухнуть’ потомкам чешских переселенцев на Северном Кавказе, конечно, неизвестны, как и тот факт, что в чешском языке метрополии существуют глаголы *podtrhnout* со значением ‘подчеркнуть’ и *strhnout*, имеющий, кроме прочих, значение ‘сорвать’, но с возвратным компонентом — только ‘внезапно начаться’.

Примеры подобных же калек в ЗСП (из речи разных говорящих) — глаголы с префиксами, соответствующими русским *раз-* и *вы-*, от своего корня, которым передан русский *-тащ-* (алломорф *-таск-*):

(20) *u nas safxoz buu dobri <...> a tera rozvlekl'i / n'e ma n'ic* (у нас со-вход был хороший, а теперь растащили, и нет ничего); *fšo razvlekl'i* (всё растащили) [с русским «аканьем» в предударном слоге]; *kõn'my san' i na gure v'ivloko* (на лошадях сани наверх вытасят).

Русский глагол *тащить* (закрепившийся и в современном общепольском языке в виде *taszczyć*), конечно же, известный носителям ЗСП¹⁰, видимо, не воспринимался как «свой»; по этой или другой причине предпочтение было отдано «переводу»: *-тащ-* > *-vlek-* / *-vlok-*.

Беспорные факты словообразовательного калькирования, когда имеет место не просто «пересчет», а «перевод» русской корневой морфемы с помощью своей, имеющей иной звуковой облик, в анализируемых говорах, однако, редки. Преобладают переходные случаи, в которых оказывается невозможным проведение однозначной границы не только между адаптированными заимствованиями и кальками, но иногда также между кальками лексическими (словообразовательными) и семантическими. Проиллюстрируем последнее на примере префиксального глагола СВ *pšeprovažić* в ЗСП.

Исходным для него является префиксальный же общепольский глагол *prowadzić* ‘вести’, в том числе кого-либо — ‘проводить’ (показывая путь или направляя) и что-либо — ‘проводить’ (те или иные мероприятия, деятельность) и др. Почти во всех этих значениях данный глагол отмечен и в ЗСП:

(21) *(ja) jix provaže / fšex kamratkof* (я веду (провожаю, сопровождаю) их, всех подружек); *f'erm'ersk'e haz'ajstvo jeden vžuc i tak uny to provažo* (один взял (завел) фермерское хозяйство, и так они его ведут); *brat'ja pr'opov'et' provažo* (братья ведут (проводят) проповедь); *izucami bukvy / usen'e provažim* (изучаем буквы, проводим занятия).

Образуемый от него глагол СВ с префиксом *prze-* (в ЗСП *pše-* или *pře-*) имеет соответствующее общепольское значение ‘провести (направляя)’, ‘(со)проводить’, как в примерах (22)–(23) ниже, но под влиянием семантики русского когната развивает и другие, в том числе ‘устроить кому-либо проводы на прощание’ (24) и ‘провести какое-либо время’ (25):

10 Ср. фразеологическое выражение с полонизированным начальным словом *ja starsa / grub za tob'oj t'aščica* (я старшая — гроб за тобой тащится) (смысл: смерть тебя вот-вот настигнет).

- (22) *tedi ja jix přepravaže i un'i st'ixotvor'en'ije požezo* (и вот я их (со) провожу, и они стихотворение расскажут);
 (23) *tedi mi jex v nosy do ročovy drog'i přepravažim* (вот так мы их ночью до половины пути проводим);
 (24) *družno mi z n'imi přežili / fšex ix dobže přepravažili* (дружно мы с ними прожили, всех их хорошо проводили)¹¹;
 (25) *lad žešen'ž dostan'e / svoje mčode lata přepravaži v dobrym n'ejscu* (лет десять получит, проведет свои молодые годы в хорошем месте [= в тюрьме]).

Развитие этих значений, несомненно, следует отнести к области семантического калькирования, однако глагол *pšeprovažić* используется в ЗСП и в соответствии с русским 'перевести (с одного языка на другой)':

- (26) *n'e mog'e přepravažić či z rusk'ego na polsk'i* (я не могу перевести тебе с русского на польский).

В данном случае префикс *pše-* выступает как результат преобразования русского *пере-*, а корневая часть *provaž-* представляет собой фактически перевод глагола *вести*; таким образом, здесь можно говорить о лексическом калькировании.

Носительнице ЗСП, которой принадлежит высказывание (26), конечно, неизвестен современный общепольский глагол *przetłumaczyć* 'перевести' (о межъязыковом переводе), как неизвестны носителям СКЧ и ЗСЧ синонимичный ему чешский глагол СВ *přeložit* и парный глагол НСВ *překládat* 'переводить'. В этих значениях в обоих чешских островных говорах также употребляются русизмы с префиксом *pře-*, в который трансформируется русский *пере-*, и корнем, соответствующим русскому *-вед-* / *-вод-*:

- (27) *ten tlumač co převádí na ruskí* (этот переводчик, что переводит на русский) (СКЧ); *trošku rozumíte / dav'ajte budete u nás převádět // převáděla sem / nu* (вы немного понимаете — давайте вы будете нам переводить... ну, я и переводила)¹²; *pročeť i převeť* (прочти и переведи) (ЗСЧ).

¹¹ В аналогичном значении в ЗСП употребляется также глагол НСВ *pšeprovažac*, ср. *pšeprovažali mi jex / pšepřa:šali* (sic!) 'проводжали мы их, попрощались'.

¹² Если носительница СКЧ из Кирилловки, жившая несколько лет в Чехословакии, помнила по крайней мере корень существительного *thu-*

Эти глаголы подобны рассмотренному выше образованию *přebijet* переходного характера и могли бы считаться не адаптированными заимствованиями, а лексическими кальками при допущении, что внутренняя форма русских глаголов *переводить* / *перевести* (с одного языка на другой) прозрачна для носителей чешских идиомов. Заметим попутно, что аналогичное русскому направление мотивации в случае обоих этих глаголов иногда мобилизуется и в чешском языке метрополии: лексемы *převádět* / *převést* используются для обозначения неточного перевода (пересказа), причем не обязательно речь идет о русизме.

Объективно существующую в описываемых говорах нечеткость границ между адаптированными заимствованиями и кальками, лексическими и семантическими, часто прослеживаемую нерасчлененность и взаимопроникновение данных явлений можно, как нам кажется, адекватно интерпретировать с опорой на понятие «сочетаемостные кальки». Вернемся еще раз к коллокациям *xlěp ub'erač* / *xlěp ubž'erač* в ВСП и ЗСП соответственно и зададимся вопросом, насколько целесообразно толковать отдельно их субстантивные компоненты как семантические, а глагольные — как потенциально словообразовательные кальки или адаптированные заимствования. Не следует ли трактовать их скорее как сочетаемостные кальки вполне устойчивого русского выражения *убирать хлеб* (разумеется, допускающего определенную вариативность в субстантивной части, ср. *убирать ячмень* > *ubirat ječmen* в ЗСЧ — при том что сама эта культура обозначается не адаптированным чешским когнатом русской лексемы)?

Копируемая носителями островных говоров русская коллокация может быть не общерусской, а региональной (диалектной). Так, глагол СВ *ubrač* в ЗСП отмечен, с одной стороны, в сочетании с русским названием масличной культуры — рыжика посевного: *rižik jek ubrali* <...> *maso robžili* (как рыжик убрали — масло делали), а с другой — в контексте *r'eš'ili Jen 'is 'ej ženjksy zrobžić i to d'er'evn'e zatopšić* <...> *i ubrali te d'er'evn'e* (решили Енисей сделать больше и ту деревню затопить — и убрали ту деревню). Это несколько необычное для литературного русского языка употребление практически совпадает с диалектным примером, иллюстрирующим основное значение глаголов *убирать* / *убрать* 'перемещать на другое место': *убирать будут деревню с низких-то местов* (СРНГ 46: 121). Аналогично в

tošnik 'переводчик (устный)', то чешка из Репинки в Сибири попыталась образовать это наименование по русской модели, но не справилась с задачей: *i vot ona / jak / pše... / n'ur'iv'otčikm byl'a*.

чешском примере из Анастасиевки под Туапсе *i nám tab'ak ubr'aly* (и у нас табак убрали) реализуется русское диалектное значение той же глагольной пары 'отбирать, лишать чего-л.', ср.: *У нас всё убрали немцы* (там же).

Сочетаемостные кальки близки фразеологическим. В широком смысле сочетания типа *убирать хлеб* — и калькирующие их в описываемых говорах — уже можно было бы отнести к области фразеологии. Если, однако, считать признаками фразеологизма в более узком понимании неизменный лексический состав и идиоматическое значение, то среди фразеологических калек окажутся такие выражения, как *lata svoje b'orom* (годы берут свое) в ВСП (Дорошко 2016: 70) или *tadi jim slibovali zlati hori* (тут им сулили золотые горы) в СКЧ (в сходном собственно чешском обороте — *hory doly*, букв. 'горы-долы'). Впрочем, встречаются и примеры неточного калькирования фразеологизмов, при котором оба эти параметра могут нарушаться, ср.:

(28) в ВСП *inn'i to by sob'e rence začožyl'i* (другие бы руки на себя наложили) (Дорошко 2016: 70) с заменой русской конструкции глагола с префиксом *на-*, управляющего винительным падежом возвратного местоимения с омонимичным предлогом, вероятно по аналогии с польской *zalożyć sobie* (с беспредложным винительным) 'надеть на себя что-либо';

(29) в ЗСП *u m'en'a serce še obervaço / ja jade do domu* (у меня сердце оборвалось: я еду домой!) со сдвигом значения русского фразеологизма, который подразумевает чувство страха, тревоги (здесь — радости).

Подробный анализ русских фразеологических калек в рассматриваемых идиомах, однако, не входит в задачи данной статьи.

Подведем основные итоги.

Материал чешских и польских островных говоров в России дает основания для вычленения в их словарном составе русских семантических и лексических калек. Тем не менее существует обширная переходная область на стыке лексического калькирования и адаптации заимствований; в ее рамках следует различать:

— гибридные образования, в которых заимствуется русская аффиксальная морфема (префикс), формально — но не семантически — совпадающая с имеющейся в данном идиоме;

— образования, в которых русская аффиксальная и/или корневая морфема (вместе с закорневым оформлением) преобразуется исходя из регулярных соответствий между идиомами, в чем можно усма-

тривать как простой фонетико-морфологический «пересчет», так и поморфемный «перевод», т. е. лексическое калькирование, если предположить, что в идиоме-реципиенте копируется внутренняя форма русского образца;

— случаи образования носителями идиома-реципиента новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносимых морфем при различии их звукового облика, т. е. бесспорное лексическое калькирование.

Вместе с тем закрепленность многих калек и/или адаптированных заимствований за определенными коллокациями побуждает ввести в целях адекватного описания таких явлений более общее понятие «сочетаемость калек». Оно не подразумевает отказа от идеи вычленения семантических и лексических калек: предлагая это понятие, мы лишь намечаем способ устранения затруднений, возникающих на этом пути. Учитываем мы и то, что «чистых» калек, которые полностью удовлетворяли бы строгим критериям отбора, в исследуемых говорах, бытующих в русскоязычном окружении, удастся выявить совсем немного. Это, однако, противоречит эмпирическому ощущению постоянного присутствия русского лексико-семантического «адстрата» в речи всех современных носителей таких идиомов. Принимая во внимание единицы большие, чем слово, мы, как представляется, преодолеваем этот дисбаланс.

Источники и литература

Ананьева 2013 — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации / ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 467–478.

Ананьева, Скорвид 2018 — *Ананьева Н. Е., Скорвид С. С.* Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 269–300. DOI: 10.31168/0417-6.3.1.

Грот 1899 — *Грот Я. К.* Филологические разыскания / 1, 2. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне / [соч.] Я. Грота. 4-е изд., доп., под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1899. XVI, [2], 941 с.

Дорошко 2016 — *Дорошко Э.* Явление калькирования в польском говоре жителей деревни Вершина в Сибири // *Emigrantologia Słowian*. 2016. № 2. S. 63–75.

Егоров 2016 — *Егоров И. М.* Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском крае РФ (фонетика, морфология имени существительного и глагола): выпускная квалификационная работа. М.: РГГУ, 2016. (Рукопись).

Крысин 1968 — *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

Поляков 2014 — *Поляков Д. К.* Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // *Гибридные формы в славянских культурах* / ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 132–147.

Скорвид 2020 — *Скорвид С. С.* Русские семантические кальки в чешских переселенческих говорах на территории России // *Вестник МГЛУ*. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 4 (833). С. 116–129.

СРНГ 46 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 46 / гл. ред. Ф. Ф. Сороколетов. СПб.: Наука, 2013. 349 с.

Andrejs 2016 — *Andrejs R.* Vliv ruského jazyka na mluvu česky mluvících obyvatel obce Anastasijevka: diplomová práce. Olomouc: Univerzita Palackého, 2016. (Рукопись).

Hakenová 2015 — *Hakenová B.* Jazyk české menšiny ve vesnici Repinka na Sibíři. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova, 2015. (Рукопись).

Mitrenga-Ulitina 2015 — *Mitrenga-Ulitina S.* Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015. 186 s. (Język. Kultura. Społeczeństwo).

Obara 1989 — *Obara J.* Teoretyczne problemy kalkowania. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. 128, [2] s.

Stupiński 2009 — *Stupiński E.* Polszczyzna okolic Krasnojarska: rozprawa doktorska. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2009. (Рукопись).

References

Ananyeva, N. Ie. “Tipologija pol’skich govorov Sibiri i rezul’taty ikh kontaktov s russkim idiomom.” *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyj s’ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossijskoj delegatsii*, ed. by A. Moldovan, S. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2013, pp. 467–478.

Ananyeva, N. Ie., and S. S. Skorvid. “Ostrovnye zapadnoslavianskie dialekty na territorii Rossii.” *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyj s’ezd sla-*

vistov. Belgrad, 2018 g. *Doklady rossiyskoï delegatsii*, ed. by S. Tolstaya, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 269–300. DOI: 10.31168/0417-6.3.1.

Andrejs, R. *Vliv ruského jazyka na mluvu česky mluvících obyvatel obce Anastasijevka*. Diplomová práce, Olomouc: Univerzita Palackého, 2016 (manuscript).

Doroshko, E. “Yavlenie kal'kirovania v pol'skom govore zhitelei derevni Vershina v Sibiri.” *Emigrantologia Slowian*, no. 2, 2016, pp. 63–75.

Hakenová, B. *Jazyk české menšiny ve vesnici Repinka na Sibiri*. Diplomová práce, Praha, 2015 (manuscript).

Krysin, L. P. *Inoiazychnye slova v sovremennom russkom iazyke*. Moscow: Nauka, 1968, 208 p.

Mitrenga-Ulitina, S. *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*. Lublin, 2015, 186 p.

Obara, J. *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wrocław, 1989, 128, [2] p.

Polyakov, D. K. “Interferentsionnye protsessy i gibridizatsiia v pereselencheskikh govorakh.” *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*, ed. by N. Zlydneva, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, pp. 132–147.

Skorvid, S. S. “Russkie semanticheskie kal'ki v cheshskikh pereselencheskikh govorakh na territorii Rossii.” *Vestnik MGLU, ser. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (833), 2020, pp. 116–129.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. F. Sorokoletov, vol. 46, Saint Petersburg, 2013, 349 p.

Stupiński, E. *Polszczyzna okolic Krasnojarska*. Rozprawa doktorska, Łódź, 2009 (manuscript).

Yegorov, I. M. *Pol'skiĭ pereselencheskiĭ govor v Respublike Khakassii i v Krasnoïarskom kraie RF (fonetika, morfologiya imeni sushchestvitel'nogo i glagola)*. Vypusknaiia kvalifikatsionnaia rabota, Moscow, 2016 (manuscript).

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Skorvid S. S.

Russian lexical and collocative calques in the Czech and Polish insular dialects in Russia

Sergej S. Skorvid

PhD, Senior Researcher

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Head of the Slavic and Central European Studies Department

Russian State University for the Humanities

Institute for Philology and History

125993, Miusskaya Square 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: slavcenteur@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2173-4367

Citation: *Skorvid S. S.* Russian lexical and collocative calques in the Czech and Polish insular dialects in Russia // *Slavic Almanac*. 2021. No. 1–2. P. 291–309 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Received 15.10.2020.

Abstract

The paper reports on a study of immigrant Czech and Polish dialects in Russia that have been strongly influenced by the dominant language of their surroundings. The author discusses problems detecting Russian lexical calques in the examined dialects, in particular differentiating calques and adapted borrowings. These difficulties appear to be due to the close affinity of the Russian language and the influenced dialects, which have common Slavic origin. The article proposes approaches for solving the problems by observing various aspects of calque formation, taking into consideration the fact that the border between the analyzed phenomena is vague and the calques are often firmly bounded with certain collocations. There are numerous transitional phenomena at the intersection of lexical calques and adapted borrowings, such as hybrid formations, formations in which the Russian affixal or root morphemes are transformed based on regular correspondences between idioms, cases of the formation of new lexical units in the recipient idiom according to the Russian model based on the semantics of correlated morphemes. In order to adequately describe such phenomena, it is proposed to introduce a more general concept of “collocative calques”.

Keywords

Czech and Polish dialects in Russia, language contact, adapted borrowings, semantic and lexical calques, collocations.